

<http://www.charter97.org/bel/news/2004/06/23/bykov>

Василь Быков остался в тени

10:56, 23/06/2004, Сергей Пульша, «Белорусские новости»

22 июня — скорбная дата: день начала войны, унесшей миллионы жизней. Но уже год для белорусов этот день трагичен вдвойне — именно 22 июня ушел из жизни Василь Быков. Однако, годовщина смерти писателя, с именем которого за рубежом часто и ассоциируется Беларусь, оказалась в тени другого "22 июня".

Очередная годовщина начала войны широко, как это было и в предыдущие годы, отмечается на государственном уровне. В этот день президент Александр Лукашенко в Гродно принял участие в открытии мемориал воинам-пограничникам, где много говорил о мужестве защитников Отечества и о долге потомков перед ними. А вчера, на специальном совещании по подготовке празднования 60-летия освобождения Беларуси президент еще раз обратил внимание на значимость этого праздника для современной Беларуси, и на то, что праздничные мероприятия должны пройти на высочайшем уровне. На таком фоне план мероприятий, посвященный 80-летию, а затем и годовщине смерти Василя Быкова, если он и лежал на столе министра культуры, просто потерялся.

Акции, прошедшие в эти дни в Беларуси в память Василя Быкова, за редким исключением были проведены без участия официальных лиц. Открытие усадьбы-музея Василя Быкова в его родной деревне Бычки посетили заместитель председателя Витебского облисполкома Петр Южик и председатель Ушачского райисполкома Константин Почепко. Аудиторию имени Василя Быкова в БГУ открыл ректор университета Василий Стражев.

Зато на общественных началах юбилей Быкова и день его смерти отмечался широко. В Ушачском музее народной славы проходит выставка произведений белорусских художников, посвященная 80-летию со дня рождения Василя Быкова, которая организована творческим сообществом "Пагоня" Белорусского союза художников. В галерее Европейского гуманитарного университета открылась выставка "Василь Быков. Рисованный дневник писателя". В экспозиции представлены фотокопии рисунков народного писателя Беларуси из его блокнотов и записных книжек, которые хранятся в семейном фонде.

22 июня в Доме литератора прошла организованная Союзом писателей выставка-продажа произведений Василя Быкова. А сегодня из Финляндии в Минск привезли огромный камень, который должен быть установлен на могиле Быкова на Восточном кладбище белорусской столицы. Перевозку частично профинансировал один белорусский предприниматель, который для широкой публики захотел остаться неизвестным — просто решил не делать себе рекламу на имени великого писателя.

И таких общественных мероприятий по всей Беларуси прошло достаточно много.

Понятно, что для нынешней власти Быков не та фигура, вокруг которой можно проводить выгодные для себя пиар-акции, и что чем реже имя народного писателя будет звучать с высоких трибун, тем комфортнее себя будут чувствовать заседающие в президиуме. В общем, в Беларуси в отношении Быкова продолжают существовать две правды. Почему так происходит — даже через год после смерти Быкова?

Писатель и публицист Виталь Тарас считает, что такое положение вещей закономерно. "И хоронила Быкова год назад не власть, а народ", — говорит писатель. Все еще помнят многокилометровую очередь для прощания с великим писателем и многотысячную процессию на Восточное кладбище. "Быкова как бы стремятся отодвинуть, оторвать от войны. Ведь война в сознании многих белорусов тесно связана в том числе и с именем Василя Быкова — именно он рассказал о ней правду. Поэтому такое странное молчание по поводу годовщины его смерти и такой масштаб официальных торжеств по поводу дня начала войны", — говорит Валентин Тарас.

СПАСЫЛКІ ПА ТЭМЕ

- [Заявление Рады Белорусской Народной Республики к годовщине смерти Василя Быкова](#)
- [Сергей Быков: «Отец мечтал жить в своей стране и говорить на своем языке...»](#)
- [Выставка рисунков Василя Быкова открыта в галерее ЕГУ](#)
- [Наш Быков](#)
- [Неизвестная рукопись Василя Быкова](#)

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/22/zayava>

Заявление Рады Белорусской Народной Республики к годовщине смерти Василя Быкова

11:16, 22/06/2004

«Мало кто так глубоко понимал и широко раскрыл сущность советского и постсоветского режима в Беларуси, как Василь Быков, -- говорится в заявлении Рады БНР. - Во многих своих художественных произведениях и выступлениях на публичных форумах и в публицистике Василь Быков дал точные характеристики и вдумчивые оценки тем событиям и заявлениям, свидетелем или участником которых был он сам. Своим философским умом и патриотическим сердцем Василь Быков постиг народную правду и талантливо и мужественно высказал ее. Хотя Василь Быков вернулся с изгнания на Родину и похоронен в родной земле, символично он еще в «долгой дороге домой». Он дойдет до Беларуси только тогда, когда там восторжествует справедливость, правда и уважение исторического и культурного наследия, обогащению которого писатель и патриот посвятил свой талант и свою жизнь».

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/22/bykov>

Сергей Быков: «Отец мечтал жить в своей стране и говорить на своем языке...»

10:44, 22/06/2004, Сергей Шапран, «КП в Беларуси»

22 июня ровно год, как не стало Василя Быкова. От этого дата начала войны стала для белорусов чернее черного. В прошлом июне провожать Василя Владимировича вышло более пятидесяти тысяч его соотечественников, потому что имя Василя Быкова было синонимом понятий чести и совести. Так провожать нам уже больше некого будет...

Один из тех, кто был с Василем Быковым до последнего – его сын Сергей. Это про него известный литературовед Михась Тычина сказал: “Когда я вижу Сергея, вспоминается тот Василь Быков, у которого все еще впереди – и его радостные годы, и горькие минуты”... Сергей Васильевич встречал отца, когда он в последний раз прилетел из Праги в Минск. Он же был с отцом и в последний его день...

- *Сергей Васильевич, когда вы узнали, что ваш отец возвращается в Минск?*

- Обычно перед каждым своим приездом он звонил мне и просил, если могу, встретить его. В этот раз я только занес вещи домой – видно было, что дорогу он перенес плохо, поэтому

утомлять его я не стал. А несколькими днями позже он пришел в гости. В это время приехал из Гродно мой брат Василий, и мы собрались по-семейному. Правда, посидели только часа полтора, поскольку отец чувствовал себя неважно. Мы, конечно, спрашивали о здоровье. Но отец по своей обычной скромности отвечал: “Все нормально”.

- Говорил ли Василь Владимирович, на какой срок приехал?

- Сказал – пока не окрепну. Он думал вернуться в Прагу... В следующий раз мы увиделись уже в Боровлянах. Я приезжал к нему раз среди недели и еще в выходные дни. Обычно приезжал на часа два-три. Затем эта “вахта” доставалась Ирине Михайловне.

Все, и я в том числе, пытались его подбодрить, хотя, по-видимому, он уже тогда всё понял, поскольку однажды сказал: “Видно, никуда я уже не поеду...” Хотя после курса химиотерапии положение его поначалу было обнадеживающим – так говорили лечащие врачи. Однако когда я приехал в следующий раз, его состояние мне совершенно не понравилось – он просто угас. С кровати вставать уже не мог, да и говорить тоже особенно не хотел. Тем не менее, когда я приходил, всякий раз спрашивал: “Ну, как дела? Что на работе? Как дома? Как внук?” Не думаю, что это были дежурные вопросы. Потому что я, например, мог ответить, что со здоровьем у меня все нормально, но он переспрашивал: “А почему глаза желтые?” Впрочем, затем, даже после короткого разговора, ему хотелось покоя.

- В день рождения вы, конечно, тоже были?

- Поговорили тогда минут пятнадцать. Потом я просто сидел, смотрел на него и думал о своем. Отец же то впадает в сон минут на десять-пятнадцать, то очнется и скажет: “А, ты здесь... Ну ладно”. И снова уйдет в забытье.

- 22 июня вы тоже были?

- Я приехал днем. Мы, как всегда, поздоровались, поцеловались, говорили недолго... Уже под вечер, когда отец в очередной вышел из забытья, он спросил: “Что ты тут сидишь? Скоро Ирина придет, так что иди. Все равно я дремлю”. И когда уснул, я ушел.

- Правда ли, что Василь Владимирович просил отвезти его домой?

- Да, он говорил об этом и мне, и Ирине Михайловне... Все же хотят умереть дома. Но лечащий врач сказал, что делать этого нельзя. Хотя, честно говоря, у меня была мысль отвезти отца домой, но я не знал, как это сделать – он уже не мог ходить.

- В прессе писали, что Василь Быков в последний день вспоминал войну...

- Мне о войне он не рассказывал. Я в последний день пробыл у него примерно с двух часов дня и до половины шестого. Кроме меня и Ирины Михайловны, насколько мне известно, к отцу никто больше не приезжал.

- Вы же с ним говорили всегда по-русски?

- В основном да. Хотя говорить по-белорусски я могу. И читаю без проблем. Однако у меня нет языковой практики... Как-то мой сын заговорил с ним по-белорусски. Отец слушал-слушал, а потом улыбнулся: “Лучше разговаривай по-русски, а то “трасянка” у тебя...”

- Кажется, Василь Владимирович не особо приветствовал тот факт, что вы пошли служить в армию?

- Это отношение к службе в мирное время. Отец, например, рассказывал, что когда, демобилизовавшись после войны, приехал в Гродно и как-то уже устроился, каким-то непонятным приказом министра обороны его неожиданно опять призвали в армию. Обычным приказом. Хотя никакой необходимости в этом не было. Это было очень обидно. Тем более что поначалу они сидели под Гродно, кажется, в Волковыске, и не знали, почему они тут сидят –

для чего? А потом его вообще отправили на Дальний Восток. Позже были новые скитания: Владивосток, Сахалин, Осиповичи... Единственное желание было – поскорее уволиться, поскольку по натуре он был человеком не военным.

- Вам тоже доставалось, когда отца ругали за его повести “Мертвым не больно”, “Круглянский мост”, “Атаку с ходу”

- Уже разваливался Советский Союз, а высшие армейские чины очень негативно высказывались об отце. Но не только о нем. Мол, такие и такие вносят разлад в нашу стройную систему. Обычно это говорилось во время так называемой читки приказов: сначала зачитывали приказы, затем начинались вольные выступления командования. Я просто перестал ходить на эти “пятиминутки”. Когда же компартия рухнула, командование развернулось как тот флюгер, и отца даже пригласили выступить у нас.

- Понимали ли вы отца в том, что касалось его политических и литературных взглядов? Известно же, что не все родственники разделяли его мнение о том, что творится в стране.

- Что касается нас с братом, то мы всегда и во всем поддерживали его. Например, мы с Васей считали, что ничего плохого в национализме нет. Немножко национализма – это даже полезно, это почти патриотизм. А что касается взглядов отца на литературу, так это вообще не обсуждалось. Но многое ему просто приписывалось... К слову, помню, как однажды – это было, кажется, накануне переезда в Германию – он сказал: “Я всю жизнь хотел жить в своей стране, пусть она маленькая (он ее назвал, зеленой или изумрудной? – Прим. С. Б.) и хотел говорить на своем языке, но, видимо, ничего не получится”. Я еще заметил: “Что делать, папа, не повезло родиться в то время и в той стране”. Однако он поправил меня: “В стране – той, но время, может быть, действительно не то”.

- Уже после похорон было много разговоров о том, что Василь Быков был накрыт национальным бело-красно-белым стягом. Утверждают, что это вы накрыли...

- Нет, я только поправил флаг, поскольку он лежал криво... Кажется, отца накрыла какая-то женщина... Но, честно говоря, я плохо помню тот день, особенно то, что происходило в Доме литератора...

ССЫЛКИ ПО ТЕМЕ

- [Наш Быков](#)
- [Неизвестная рукопись Василя Быкова](#)
- [Памяти Василя Быкова](#)
- [Последние дни Василя Быкова](#)

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/22/egu>

Выставка рисунков Василя Быкова открыта в галерее ЕГУ

10:43, 22/06/2004, «КП в Беларуси»

Без преувеличения Быков-художник – неизвестный для большинства его читателей человек. Веселый, ироничный, романтичный... Карандаш и ручка писателя фиксировали самые мелкие детали, милые наблюдения, трагические странички жизни человека, которого мы привыкли воспринимать суровым, отягощенным горькими думами о судьбах родины и соотечественников. Ирине Михайловне, вдове Быкова, непросто было вынести на всеобщее обозрение эти зарисовки – интимный их характер очевиден.

Несколько десятков рисунков для экспозиции пришлось сканировать и увеличивать, ведь блокноты, в которых он вел свой рисованный дневник, карманного формата – чтобы помещались в нагрудный карман. Сказать, сколько всего рисунков насчитывает художественный архив Быкова, очень сложно. Почти два десятка блокнотов, первые рисунки в которых появились в середине 50-х, а последние – буквально за год до смерти, хранятся в домашнем архиве Ирины Михайловны.

К счастью, теперь у нас есть возможность открыть для себя совсем иного Василя Быкова. Который на себе испытал, что такое быть «начинающим дачником», пережил «момент позора» после общения с гаишником, оплакивал «гибель старой кастрюли», не раз сиживал у Адамовичей «за обжорским столом», переживал известие о смерти друга Алеся Адамовича. В его рисованный дневник (все зарисовки подписаны и имеют свою дату) попала и машина писателя – «старушка Олечка», и «ее цветочки» – цветы, которые выращивала Ирина Михайловна на той самой даче, и потоп на кухне, и наполненные самоиронией известия о получении наград – «Огероенный».

P.S.

Увидеть рисунки можно до 16 июля с 11.00 до 18.00 (кроме субботы, воскресенья) по адресу галереи ЕГУ: Минск, пр. Скорины, 24.

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/21/bykau>

Наш Быков

16:59, 21/06/2004, Сергей Шапран, «БДГ»

19 июня Василю Быкову исполнилось бы 80 лет. Он ушел год назад, 22 июня. Это, вне всяких сомнений, самая черная дата в истории белорусской литературы и вообще белорусской истории за последние почти полвека. Ко дню рождения Василя Владимировича общественным объединением «Кніга» издан сборник воспоминаний «Наш Быкаў» (составитель — Г.Буравкин), в котором представлены воспоминания родных и близких Василя Быкова, людей, хорошо его знавших. Среди них и Лазарь Лазарев, главный редактор журнала «Вопросы литературы».

— *Лазарь Ильич, ваше знакомство с Василем Быковым началось с переписки. В каком году вы впервые увиделись? Помните, какое впечатление произвел он тогда?*

— Мы познакомились в 1963 году, после того, как в «Новом мире» была напечатана моя первая рецензия на Быкова. В Гродно я поехал ранней осенью 1974 года. О моем приезде Василь Владимирович подробно написал в своей мемуарной книге. Но не он меня поразил, а отношение к нему тамошних властей. Его становившаяся всесоюзной известность вызывала у них растущую подозрительность.

— *Быков время от времени просил вас прочитать его рукописи: «хотел посоветоваться», «когда у него возникали какие-то сомнения». О каких именно рукописях и сомнениях речь?*

— Таких случаев было много. Тем более что меня интересовала каждая новая вещь Василя Владимировича. Он знал это и, когда это было возможно, присылал мне рукописи. Для ясности: я не был его «домашним» редактором, просто внимательным читателем, вкусу которого он, видимо, доверял. Своими соображениями я делился с ним или по телефону, или в письмах.

«Действительно, — писал он мне в ту пору, — очень многое из настоящей правды о войне мы не сказали. Мне кажется, что мы еще идеализируем и работаем по старым, во многом от сталинской школы канонам не столько вглубь, сколько вширь. Не удивительно поэтому, что при сравнении даже лучших наших произведений о войне с однотемными вещами Чехословакии, Югославии или Польши мы зачастую выйдем до жалости убого. А ведь время идет, уходят из жизни те, что вынесли на себе всю тяжесть войны, и грядущим поколениям останется пропагандистская литература, сработанная по утилитарной мерке каждого данного времени, а вовсе не по большой мерке правды. Некрасов, Казакевич, Бакланов, Бондарев, еще пять-восемь человек, по-настоящему правдивых и высокоталантливых, но ведь это для такой страны до обидного мало.

Конечно, нужна гражданская смелость и нужен талант, но какой же силы должен быть талант, чтобы пробить собой глыбу яростного чиновничьего сопротивления и сделать рукопись достоянием литературы! Вот и приходится, в должной мере не обладая им, временно отступить, как это случилось у меня с «Балладой». (Насколько помню, я в своем письме критиковал «Альпийскую балладу», считая, что эта вещь написана ниже его таланта, что в ней он отдал дань беллетристике. — Л.Л.) В памятную пору встреч и проработок пришлось отложить рукопись совершенно другого характера и взяться за менее всего мне подходящее. Да и та издавалась с огромным трудом, печаталась с купюрами, множество раз переделывалась и редактировалась. А «Западня»! За два года этот рассказ обошел почти все редакции (кстати, на белорусском языке так до сих пор и не опубликован) и вышел в свет переделанным наоборот (впрочем, даже без моего в том участия). В Белоруссии мои книги годами не издают под различными предлогами, ортодоксальная критика сначала выступала категорически против, а теперь обычно замалчивает их. Как правило, после очередной редактуры сам начинаешь ненавидеть свое творение, но бессилён что-либо исправить в нём.

Впрочем, надеюсь, Вы и без того все это отлично знаете. И понимаете. Вы не можете не понимать, я в этом уверен.

От войны у меня так много в голове и на сердце, что, думается, хватило бы на всю жизнь. Но порой становлюсь в тупик: а стоит ли? Не бросить ли все это и не переквалифицироваться ли в дрессировщика каких-либо зверюшек для цирка. Наверно, это было бы интереснее. И все это не потому, что тяжело, а потому, что бесполезно. Если бы пусть титанические усилия давали какой-нибудь сносный результат. А то ведь нет результата. Есть его противоположность...»

— *Ваша книга «Василь Быков», вышедшая в 1979 году, тоже имеет свою историю по причине того, что в ней была глава о повести «Мертвым не больно». Вам тогда предлагалось «крамольный» раздел изъять, поскольку о нем стало известно Севруку. Иначе книга не выйдет. Вы отказались: «Пусть не выходит!» Вы действительно были готовы пожертвовать книгой из-за главы?*

— Действительно был готов. Это была не первая моя книга, и презирать себя, покорившись властям, у меня не было никакого желания.

— *Книга все-таки вышла. Позже вы думали выпустить дополненное анализом произведений Быкова, появившихся после вашей книги, издание. «Не вышло, — это ваши слова, — отказали, думаю, скорее всего, не обошлось без руки Севрука». Не расскажете ли подробнее?*

— Какие подробности? Отказали и все: «В наши планы не входит...» Но эти планы утверждались Севруком и его подручными. А о его реакции никаких сомнений у меня не было. Тем более что Быков был не единственным объектом его бдительного внимания. Но Быкова он ненавидел особенно яростно, на его разгроме сделал карьеру.

— *Уже в 90-е годы начинается новая, никогда не прекращающаяся кампания по травле Быкова. Если правильно понимаю, виновником этого вы считаете Севрука. Однако, на ваш взгляд, один ли он стоит за этой травлей? Нет ли за этим «высочайшего благословения»?*

— Конечно, не один Севрук, а сложившийся в Беларуси режим. Но я называю Севрука, потому что для грамотного русского читателя это — ясное олицетворение господствующего тоталитарного зла.

— *Обращался ли когда-либо Быков к вам за помощью?*

— Да, конечно, какие-то возникавшие в Москве проблемы мне решить было проще. Но все это пустяки, которым люди, дружа, не придают значения. Думаю, что не придавал им значения не только я, но и Быков, хотя был он человеком в высшей степени деликатным.

...Письма Василя становились все мрачнее и тревожнее. Вот несколько отрывков:

«Жизнь становится все отвратительнее во всех отношениях, а у нас эта отвратительность накладывается на неотвратимо надвигающуюся старость. Кажется, из всех зол эта последняя будет самой удручающей. Не знаю, по какой из причин, личной или общественной, но куда-то все дальше уходит литература. Не только сам не пишу, но даже не хочется читать, тем более что почти все (все!) московские журналы от нас отрезаны (нет подписки), а теперь вот отрезают и последние демократические газеты (на второе полугодие). Например, нет подписки на «Известия», которой я особенно дорожил. Минских газет хватает, но это почти все официозы, конечно, коммунистические, за исключением 2–3 малоформатных, которые имеют по 3–4 судимости и пустые счета в банках. Проблема политическая все та же: коммунистический тоталитаризм в условиях экономической катастрофы...»

«С поездками, кажется, все кончено. Ездить некуда. Да и незачем. Рейсовые автобусы отменены. А на своей машине — 1200 руб. литр бензина. При моей пенсии 80 тысяч, что равно 13 долларам. Ирина получает еще меньше (55 тысяч)... А я думаю, круг замыкается. Началась жизнь в нужде, недоедании, тем и закончится, по всей видимости. Хотя и то благо — не будет о чем сожалеть...»

«Посылаю тебе мою злосчастную статью, надеюсь, что все это дойдет до тебя — обычно сейчас не доходит. Прежде, перлюстрировав, оригинал посылали адресату, теперь пожирают с потрохами. И — без следа. Жизнь стала сволочная во всех отношениях и, кажется, все ухудшается».

— *Последний раз вы встречались уже во время церемонии вручения премии «Триумф»?*

— И не только. Был на вручении Василю Владимировичу Государственной и Ленинской премий, был в Минске, когда отмечалось его 60-летие. Мне кажется, это подогретое наградами внимание его тяготило, он каждый раз хотел поскорее уйти в «тень».

— *Вы же, когда Быков уже жил в Праге, не раз созванивались. Последний раз разговаривали, когда он должен был лечь в Боровляны. Если это не будет бестактным, хочу спросить, о чем тогда говорил Василь Владимирович?*

— Говорили о бытовых заботах и болезни. Я начал понимать, что дело совсем скверное. А до этого надеялся, что пронесет.

...Вот его письмо из Праги — перед отъездом в Минск. Это прощальное письмо — только он, конечно, этого не говорил, он ведь был из тех, кто молча терпит свои беды, да и так все было понятно: «Прошел месяц со дня операции, — писал он, — но я все не могу прийти в норму. Острые боли прошли, но тупые остались. Эти донимают по-прежнему, особенно ночью. В ближайшее время предстоит несколько курсов химиотерапии, не знаю, как она мне обойдется. А вообще, кажется, я сделал ошибку, доверившись друзьям и обратившись к медицине. Ну немного побаливало в боку (иногда), вроде ничего страшного. А теперь в одночасье из

нормального превратился в инвалида. Действительно — не тронь лихо, пока оно тихо. Не знаю еще (не говорят), сколько там метастазов. И где?..

Валя Оскоцкий прислал мне очень обстоятельное (и утешительное) письмо, взывающее к бодрости и оптимизму. Конечно, спасибо ему, но здесь никакие утешения ни к чему. Самое лучшее — помолчать. Молчание емче всяких слов. Ирина вообще старается обходиться без слов о болезни, ведет себя со мной, как со здоровым. Правда, иногда срывается, хотя и не надолго. Как-нибудь обрету большие силы, и поедем на родину, где, конечно, меня ждут. Не только друзья, но и другие. Готовят встречу...»

— *Вообще легко ли было дружить с Василем Быковым?*

— Легко — не то слово. Я счастлив, что судьба подарила мне эту дружбу.

P.S. В материале использованы фрагменты из воспоминаний Л.Лазарева, впервые опубликованные в журнале «Знамя» (Москва) и включенные в книгу «Наш Быкаў».

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/21/bykov>

Неизвестная рукопись Василя Быкова

15:34, 21/06/2004

19 июня исполнилось бы 80 лет выдающемуся писателю Василию Быкову. Последняя его книга «Долгая дорога домой» - мемуары, изданные в прошлом году в Минске независимым издательством «Книга», незадолго до смерти автора. Сегодня российское издание «Газета» предлагает несколько небольших фрагментов - самые последние страницы, написанные рукой Быкова. Они позаимствованы из тетради дополнений и вставок в «Долгую дорогу». Тетрадь эта была передана другу писателя - Валентину Тарасу - 26 мая прошлого года. Странички эти - о детстве писателя, о котором он при жизни почти никому не рассказывал. «Газета» благодарит Валентина Тараса, предоставившего редакции рукопись и сделавшего возможной эту публикацию. Перевод готовится к изданию в издательстве «Книга».

Лето, летушко, л е т е й к о...

Его ждали, о нем мечтали, грезили... А оно все медлило, весна продолжалась. Весна тоже неплохо, но ведь - школа! Испытания - экзамены - каждый год, за каждый класс. А еще бесхлебца, щавель да крапива. Травица, от которой больно во рту.

Но вот наконец школа позади, учебники - на полку. Лес уже нарядился в листву, вокруг зелено. В школу ходить не надо, но плохо то, что вне школы нет книг, нечего читать. Зато - воля. И - озеро. Снаряжаем удочки. Крючки раздобыли загодя, у некоторых есть ушко, а то теперь в магазине крючок с ушком не купишь - все только с плоскими кончиками. А такой крючок плохо держится на узелке самодельной «лески», плетеной из волосьев, выдернутых из хвоста белой кобылы.

К сожалению, в колхозе только одна кобыла белая. Бригадир ругается... Хотя бригадир, Антон Стриженок, вовсе не злой дядька и бранит нас беззлобно.

На рыбалку я встаю на заре и сразу - на озеро. Конечно же, на Беляковское, как мы его называем. Чтобы не идти через Савченки, в которых мальчишки драчливые (могут поколотить), взбираюсь на горку возле Савченков-горних, оттуда по тропке через олешник к озеру. Червяки тут же, на берегу. Наступает великое бдение - кроме меня и поплавка, ничего больше не существует. Первая поклевка, круги на воде. Но поклевка - еще не рыбина. Клев очень осторожный, пугливый. Солнце выкатывается над лесом, припекает плечи через рубашку, а у меня всего две плотвички. К обеду - штуки четыре. Меняю место, хожу туда-сюда по берегу. Рыбных мест тут, однако, немного - сплошь камыши, кувшинки. Беда, если оборвется крючок. Бывает, что он последний.

К полудню на берегу появляются какие-то люди из соседней деревни. Издали слышу разговор: «Кто это там удит?» - «Да Ладимера хлопец, из Бычков». Значит, знают меня. А я не знаю, хорошо это или плохо? Может, лучше бы не знали, потому что, говорят, удить рыбу запрещено, ловить ее могут только государственные рыбаки. Я же - негосударственный.

Штаны у меня намокли выше колен, и я выхожу из воды, закатываю мокрые штанины. Хочется есть. Улов мой - пять плотвичек и окунек. Отнесу маме, пусть зажарит.

Хорошо на озере, но завтра - на пастбище.

Пасти коров - самая постылая моя обязанность. А очередь подходит через каждые семь дней. Деревня небольшая, коров мало.

Обязанность эта донимает из года в год - с весны до поздней осени. Правда, во время школьных занятий - только после уроков, летом же - весь день. От зари до зари. Очень не хотелось вставать на рассвете, мама будила меня по нескольку раз. Наконец вылезал из сена в повети, сонный, выгонял коровенку. Это была рябенькая, черно-белая коровенка, глаза ее окаймлялись кругами, как будто она в очках, в окулярах, - мы и звали ее Окуляркой. Она кормила семью лет десять. Окончила свой век во время войны, если не забрали ее на прокорм партизаны...

Пасти скот было негде - вся земля была под посевами. Оставались кустарники, овражки, перелески. Приходилось все время быть на ногах, бегать и бегать за коровами, чтобы не разбрелись. Чуть полегче было, когда начиналась косовица и жатва - коровы паслись на стерне. Коровам что, а моим ногам доставалось - они были исколоты, изранены. По утрам (под осень особенно) донимали росы - студенькие, едкие. От них на голеньях появлялись болячки. Долго не заживали.

Летом скот в полдень гоняли на дойку. Это давало часа три передышки от полевого зноя. А затем - опять в поле, до захода солнца.

Родители в страду - оба в поле. Косьба, сушка, перевозка сена. Затем - жатва. Жали в основном серпами. Белые платочки баб - по всему полю. Снопы ставили в бабки, так досыхало жито. Вozить сено на возах поручали парням постарше - это было интересно. Особенно сидеть высоко и смотреть на округу. Но дороги!.. Однажды и я поуправлял возом. Да на повороте с дороги на сельскую улицу круто повернул коня, и воз опрокинулся. Я очень испугался. Бригадир, правда, меня не бранил, только воз с сеном мне больше не поручал.

Летом - после пятого класса - я пас лошадей. Пасли вдвоем с Илюхой, моим двоюродным братом - мы днем, а его отец, мой дядя Степан, ночью. Опять приходилось рано вставать и гнать лошадей на далекое поле - за Гаи или в Мамоны, где по ночам паслись колхозные кони. Лошади, конечно, не коровы - спокойнее да и стреножены, однако каждая со своим норовом. Разбредутся - поищешь!.. А то, случалось, заедут на посева, наделают потравы. Потрава - это хуже всего, бригадир грозит штрафом, который взыщут с отца. Так что следи за конями! Но днем, когда пригреет солнце, можно посидеть в тенечке и почитать книжку. На полдник ездим с Илюхой по очереди, верхом на какой-нибудь молодой лошадке. Утром лошадей разбирают колхозники - в плуг, в борону, телегу тащить или воз с сеном. Кони худые, потому что пастбище скудное, за ночь не наешься. Мужчины курят и бранятся. Дядька Степка выговаривает мне, что опоздал на смену - пока я разыскал его в кустарниках, солнце уже поднялось довольно высоко.

После седьмого класса сторожил сад в Островщине.

Островщина - некогда помещичий фольварк - деревушка из шести дворов. (Позже эти шесть хаток перевезли в Бычки, и Островщины не стало.) Сад там был большой, старый - груши, яблони, вишни. Мне дали ружье без патронов, и я ходил вокруг сада и по саду - сторожил. Вокруг тихо, никого нет, и я забираюсь в укромное местечко под кленом, где соорудил потом шалашик, и - читаю. В полдень, когда колхозники шли на обед, кто-нибудь из них забежал в сад поживиться яблоками. А я на то и сторож, чтобы не давать их срывать. А как не дашь? Говорил:

«Не рви, дядька, а то заявлю в контору!» А он отвечает: «Ну, если заявишь, то непременно нарву!» И рвал. Что мне было делать? Заявишь не заявишь – все равно яблокам не сдобровать. А иной обещал снять с меня штаны и обстрекать крапивой. Отвратное было дело – сторожить сад. Еле дождался конца лета.

Дома у нас тоже был сад – садочек, как мы его называли. Садочек я любил – и весенний, когда он был в цвету, и осенний, когда созревали яблоки и груши. Особенно восхищали груши – огромные фунтовки и спасовки (спасовки созревали аккурат к Спасу). Еще до того я примечал в кроне самую крупную, блестящую на солнце синей кожурой, и, как только созреет, взбирался за ней на дерево. Вкусные были груши! Из яблок самыми вкусными были апорты (только одна яблоня была этого сорта), но апорты и прочие сорта созревали поздно. А самыми поздними были плоды одинокой дички, которая росла в уголке садочка. (Говорили, дичку эту посадил мой дед, хотел прицепить к ней какой-то сорт, да смерть помешала, дичка так и осталась без привоя.) Каждый год она была усыпана маленькими, очень кислыми яблочками. Поздней осенью мы их снимали и сыпали на чердаке, зимой их прихватывало морозом и, подмороженные, они давали обильный сок. Мы добавляли в него соду, и получался чудесный шипучий напиток, который любила мама. Та яблонька, кажется, и ныне одиноко стоит на месте бывшего садочка – старенькая, скрюченная, изувеченная временем. Но все еще родит, все еще дает горстку памятных мне крохотных яблочек. Остальных деревьев давно уже нет.

Без хозяев сад живет недолго.

Помню (это еще до колхозов было), отец сидит вечером, расплетает путы, которыми лошадей стреноживают, чтобы сдать эти расплетенные путы в счет льна – путы ведь из льняной пряжи сделаны. А по деревне ходят сельские активисты, обыскивают хаты, ищут припрятанную пряжу. Обыски были повальные – пришли и к нам. А у нас во дворе была старая истопка с дырой в крыше, и дыру эту отец заткнул пучком соломы. И вот стали активисты обыскивать хату, искали, искали – ничего не нашли и у меня спрашивают: «Мальчик, где отец прячет лен?» А я говорю: «В истопке». Ну эти: «Иванов, давай туда!» А я... Не знаю, почему я такое сказал. Должно быть, из неприязни. Спросили, я и ответил, имея в виду тот пучок соломы, которым была заткнута дыра. Ввалился тот Иванов в истопку, увидел, что его обманули, стал ругаться. А я убежал в овраг. Потом отец бранил меня: «Ну где ты видел там лен? Лен у нас в другом месте спрятан, век не найдут...» Да, лен... Но ведь надо было сдавать еще и зерно. Чтобы мы его сами не мололи, а везли на мельницу, где его могли ополовинить, реквизируют, а то попросту украсть. Но у крестьян были свои мельницы – жернова. Почти у каждого они стояли в сенях или в истопке – эти нехитрые приспособления из двух плоских камней. Да и что там было везти на мельницу – какой-нибудь мешок жита? Отец молот сам. И вот однажды явились эти комбедовцы, сельские активисты, и сняли верхний жернов. На углу хаты из фундамента выпячивался большой камень, и активисты кокнули об него жернов, который развалился на три куска. Ну вот и живем мы с зерном, но без хлеба. А эти приходят регулярно, проверяют, лежат ли в крапиве осколки. Тут отец и схитрил, взял однажды ночью те куски и скрепил их деревянным обручем. Подбил, подравнял и как-то молот помаленьку. Ночью смеет, а потом снимет обруч и опять эти куски – в крапиву, словно к ним никто и не притрагивался.

А позже, уже при колхозах, никакого зерна не стало, не нужны стали и жернова. Голодуха с весны. Ждем бульбочку. А бульбочка... Это теперь скороспелка и прочие ранние сорта благодаря институту картофелеводства, а тогда бульба была только одного сорта – позднего, осеннего.

Первая бульбочка! Уж как ей радовались, наголодавшись за лето! Копать, помню, начинали после Спаса, в последние августовские дни. Отчетливо вспоминается один из таких дней. Мама заранее заприметила борозду, где бульбочка должна быть наилучшей. Ботва ей это подсказала, глаз у мамы на такие приметы верный. Мама несет лукошко, у меня в руках лопата. И вот выворачиваю из земли первый куст – на корнях с десяток не очень крупных, но и не мелких розоватых картофелин. Мама бережно кладет их в лукошко, а я переворачиваю лопатой рыхлую землю, затем шарю в ней пальцами и нахожу еще пяток бульбинок. Так же основательно обхожусь и с очередным кустом. Картофелин под ним оказалось немного, и я

хотел выкопать еще пару кустов, но мама воспротивилась: «Пусть подрастут, пока нам и этого хватит». Пришли домой, моя сестра Валя сразу принялась чистить бульбочку, тут же, во дворе, скоблила ее ножиком бережно, чтобы не соскрести лишнее. Шестилетний Миколка принялся готовить костерок, принес хворосту и пару поленьев дров. Костерок развели на траве, у плетня, подальше от хлева, - там, у плетня, травка была чистая. Хворост и поленья положили на три плоских камня, вдвоем с Миколкой стали раздувать огонь. Когда пламя осело и образовались жаркие угли, мама поставила на них небольшой чугунок, полный бульбочки, накрыла крышкой. Варись, бульбочка!

Время от времени Миколка подкладывал в костерок сухие палочки, перестарался и чуть было не опрокинул чугунок. Мама испугалась: «Не трожь, я сама прослежу!..»

Сидели, ждали, когда закипит. И вот закипело, вода стала переливаться через края чугунок, зашипела на углях. Теперь надо было подкладывать поменьше.

Миколка нетерпеливо ерзал, то и дело спрашивал: «Уже сварилась?» Мама объяснила, что свежая, только что из земли бульбочка на костре варится долго – это ж не в печке!.. Бульбочка и правда долго варилась, а когда сварилась, мама не спешила ее сцеживать – ждала отца. Он был в поле, должен был вот-вот прийти к ужину. Кроме бульбочки был на ужин кувшин кислого молока. Не было только хлеба. Но ведь на то и бульбочка, чтоб его заменить!..

- Папа идет! – обрадованно крикнула Валя.

Отец был очень усталый, невеселый. Увидев костерок и свое семейство вокруг него, грустно улыбнулся: «Ты смотри, уже мы с бульбой! Я сейчас, только руки помою».

А у нас теплы слюнки – так хотелось поскорей отведать пахучей, с дымкой, долгожданной бульбочки.

- Ну, теперь не порем, - сказал отец, садясь у костерка на табуреточку. – Коль уж бульбочки дождалась...

И тяжело вздохнул.

Дожить до славы

Василь Быков родился 19 июня 1924 года в деревне Бычки Ушацкого района Витебской области. Во время Великой Отечественной войны сражался на 1-м и 2-м Украинских фронтах, где был дважды ранен. С действующей армией прошел по Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. После окончания войны еще десять лет служил в армии, потом демобилизовался и вплотную занялся литературой. В 1990-х был активным общественно-политическим деятелем. В конце 1997-го покинул Белоруссию, переехав сначала в Финляндию, а затем в Германию. Умер от рака 22 июня 2003 года в Белоруссии.

Печататься Быков начал с 1947 года, и вскоре о нем заговорили как об одном из основателей военной прозы. Его книги "Альпийская баллада", "Мертвым не больно", "Сотников", "Обелиск", "Дожить до рассвета", "Пойти и не вернуться" зачастую были неуютны власти: писатель рассказывал о войне и ее последствиях слишком честно и откровенно. Настоящее признание пришло к Василию Быкову в 1970-х: Народный писатель Беларуси (1980), Герой социалистического труда (1984), лауреат многочисленных премий, в том числе Государственной премии СССР (1974), Государственной премии БССР имени Якуба Коласа (1978), Ленинской премии (1986). По произведениям Быкова поставлены фильмы "Третья ракета" (1963), "Альпийская баллада" (1966), "Дожить до рассвета" (1975), "Волчья стая" (1976), "Обелиск" (1977), "Восхождение" (по повести "Сотников", 1977), "Знак беды" (1985), множество телефильмов и даже опера "Тропую жизни" (1980, музыка Генриха Вагнера, по "Волчьей стае")

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/18/bykov>

Памяти Василя Быкова

16:52, 18/06/2004

Сообщаем об основных акциях памяти Василя Быкова, приуроченных к его 80-летию.

18 июня, пятница, 18.00

Вечер Саюза белорусских писателей, посвященный 80-летию великого писателя, в Доме литератора (ул. Фрунзе, 5)

19 июня, суббота, 12.30

ст. м. «Восток» (выход в сторону ул. Калиновского). Пойдем на Восточное кладбище на могилу Быкова. Просьба иметь цветы.

С уважением,

Управа Партии БНФ

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/18/bykau>

Последние дни Василя Быкова

16:46, 18/06/2004, Сергей Шапран, обозреватель «БДГ» специально для «КП»

19 июня Василю Владимировичу исполнилось бы 80 лет. Он ушел от нас 22 июня. И опять было воскресенье, как тогда, в 1941-м.

“Вы напамнілі мне маё здаровае мінулае”

9 июня Быков лег в НИИ онкологии и медицинской радиологии. 11 июня стало известно: Василь Владимирович чувствует себя день ото дня хуже. Врачи не могут ручаться, что он доживет до дня рождения...

16 июня. Думая, как бы хоть немного поддержать Быкова, решил позвонить российским писателям, преимущественно его старым друзьям. Дозвонился до Лазаря Лазарева, Валентина Оскоцкого, Григория Бакланова, Фазиля Искандера. С кем-то поговорил, кто-то, попросив перезвонить, чуть позже надиктовал свои поздравления-пожелания Быкову.

17 июня. Вместе с Бородулиным и Буравкиным поехали в Боровляны... Василь Владимирович лежал в палате один. Очень тепло поздоровались. Бородулин и Буравкин передали приветы ото всех родных и близких. Затем Геннадий Николаевич рассказал, что ездил по родным местам — народ всюду беднеет... Позже и Василь Владимирович неожиданно вспомнил (из-за бородулинского кота Мирона), что у них тоже был кот — “Здаравенны кацяра!” — уточнил Быков. Как только стает снег, уходил. Возвращался только перед морозами. Однажды принес зайца, но тот оказался таким большим, что кот не смог затащить его на чердак... Потом Василь Владимирович вдруг вспомнил: а была еще кура... через паузу — “Раба! Несла самая лепшыя ў свеце яйкі...” Но мы их не ели, рассказывал Василь Владимирович, отец носил продавать, за 5 рублей. За вырученные деньги многое можно было купить. Но потом Рябу унес коршун...

На замечание Буравкина, что хорошо в такую погоду в больнице лежать, Быков ответил, что и не знает, какая погода, потому как не встает. Однако ни на что он ни тогда, ни позже не жаловался. Лишь однажды, еще в самом начале нашего разговора, признался:

— Думаў, што сканаю...

Быков обладал удивительной, прямо-таки суровой выдержкой. Одному Богу известно, чего на самом деле это ему стоило.

Буравкин принес газеты. Василь Владимирович тут, в больнице, по-прежнему читал... Затем я попросил об автографе для Натальи Александровны Адамович. Быков написал: "Мілай Наташы Адамовіч ад хворага Быкава з пажаданьнем не хварэць!"...

Когда примерно через час думали уходить, Василь Владимирович неожиданно сказал: "А вы, Сережа, наверное, хотите сфотографировать?" — и затем грустно пошутил: "Фотография на смертном одре". (Позже Буравкин заметил: "Васіль — мудры чалавек, ён разумеў, што сыходзіць, таму і прапанаваў зрабіць гэтыя здымкі".)

Уже на прощание Василь Владимирович сказал:

— Вы напамнілі мне маё здаровае мінулае.

Врачи говорили, что опасения, что Быков не доживет до дня рождения, уже практически нет: после курса химиотерапии печень стала резко уменьшаться. Однако проблема в том, что печени-то уже почти не осталось. К тому же началась интоксикация организма. Вдобавок — сердечная недостаточность. Положение спасли тогда кардиологи. Кризис — Быков мог умереть в эти дни — миновал. Предполагалось, что если ему не станет хуже, в конце июня его на две недели выпишут домой. Затем — снова курс лечения. Правда, говорили врачи, поймите, что спасти Быкова мы уже не сможем. Задача-минимум — чтобы он дожил до сентября. Хотя это может произойти в любой день.

"Гордость солдатского братства"

17 июня. Дозвонился Борису Васильеву и Даниилу Гранину, уже в ночь на 19-е получил e-mail от Владимира Войновича — всё с пожеланиями Быкову скорейшего выздоровления.

19 июня. В Боровляны ехали большой делегацией: Рыгор Буравкин, Геннадий Бородулин, Анатолий Вертинский, Сергей Законников, Анатолий Кудравец, Валентин Болтач. Ехали с васильками и тремя розами цвета национального стяга — двумя белыми и красной...

Ирина Михайловна встретила печальным сообщением: Василь всю ночь не спал... Быков лежал на боку, дышать ему было очень тяжело. Это не чувствовалось — это было видно. Обострилась бронхиальная астма. Все наши цветы и те, что уже были в палате, тут же вынесли.

Приехавшие по одному подходили к Василию Владимировичу, пожимали руку и приветствовали его. Бородулин передал рисунок своей внучки Доминички. Быков похвалил: «Добры малюнак!»... Разлили спиртное и, спросив разрешения у именинника, выпили за его здоровье. В знак солидарности и поддержки он поднял обе руки...

Потом я отдал полосу будущего номера «БДГ», в котором с днем рождения Быкова поздравляли и желали ему выстоять Г.Бакланов, Л.Лазарев, В.Оскоцкий, Д.Гранин, Б.Васильев, В.Войнович, Ф.Искандер. Материал назывался «Гордость солдатского братства». Здесь же было и бородулинское «Слово про друга» «Адчуй сябе вольным...». Затем я предложил послушать одно приветствие, записанное на диктофон (хотя первоначально думал поставить все). Услышав баклановский голос, Василь Владимирович тяжело задышал. Буравкин едва не рванулся к диктофону. Однако остановить запись не решились. И, наверное, правильно — через какое-то время Быков лег на спину и закрыл глаза тыльной стороной руки. Выражение лица у него было печальное, особенно, когда Бакланов говорил:

— ...Я знаю, что ты болен, я знаю, что 19-го — твой день рождения. И я хочу, чтоб ты встретил его, и чтоб тебе стало полегче, и чтоб ты выздоровел...

Уже окончательно прощаясь с нами, Василь Владимирович опять поднял обе руки... Позже Буравкин вернулся в палату. Ирина Михайловна рассказала, что после сегодняшней ночи Василь думал, что это — все. Он уже мало во что верил. Поэтому она попросила Буравкина, как давнего друга, все напрямую Василю рассказать. Геннадий Николаевич, вернувшись, сказал, что через неделю его выпишут домой на две недели (на это Быков отреагировал: «Аж на два тыдні? А на тры?»), потом — снова в больницу и — новый курс. «Кали ён будзе ўдалым, мы яшчэ доўга будзем бачыцца», — сказал тогда Буравкин.

В этот же день в Боровляны приезжали Валентин Тарас, Александр Дракохруст, Михась Тычина и Андрей Дынько. Однако поговорить с Быковым им не удалось. Михась Тычина сегодня вспоминает:

— В приоткрытые двери мы заметили, что Василь Владимирович спит. Вышедшая из палаты Ирина Михайловна сказала, что он утомился, только что были врачи, делавшие переливание крови, уже второе за день... Потом мы по одному заходили — чтобы посмотреть на Василю Владимировича и, может, уловить момент, когда он открывает глаза, чтобы поздороваться. Однако, когда я заглянул в палату, Василь Быков спал на боку как маленький хлопчик — подложив кулачок под щеку...

22-е

На следующий день Василю Владимировича перевели в реанимацию — на выходные лечащие врачи не приходят, остается только дежурный врач. Впрочем, явного ухудшения здоровья еще не было. В субботу, как говорят врачи, Быков чувствовал себя нормально. В Боровляны в тот день приезжал Владимир Колас из Белорусского гуманитарного лица. И лишь на следующий день, в воскресенье, Василь Владимирович преимущественно спал.

Одним из последних у него был сын Сергей, впоследствии вспоминавший, что отец спрашивал о его работе, о внуке... Потом уже в газетах писали, будто последняя быковская просьба была: «Стаміўся я тут. Адвязіце мяне дадому». Но, как свидетельствует Сергей Васильевич, об этом отец просил несколькими днями раньше...

Клиническая смерть наступила в 20.10. Через сорок минут врачи констатировали, что Василю Быкова больше нет...

...Один из давних быковских товарищей — «известинец» Эдуард Поляновский написал потом:

«Всевышний распорядился так, что бывший лейтенант Василь Быков, почти погибший на войне, но не погибший, всю свою жизнь посвятивший фронтовой прозе — ее еще называли «лейтенантской прозой», — скончался именно 22 июня, вечером. И опять было воскресенье, как тогда, в 1941-м».

Племя терроризировал Дракон

То хватал в поле молодых девушек, да и парней; то подчистую вытапывал посевы; то хижины рушил. А то насылал на племя свой драконовский мор — и тогда в поле ничего не выросло, племя было обречено на лютей голод. Как защититься от этого звероящера — не знал никто. Правда, издавна было заведено приносить ему жертвы... Жертвой его не называли — величали ласково и уважительно Героем...

На капище ему ставили памятник — высоко спиливали самый толстый дуб и из огромного пня высекали человеческую фигуру.... Таких пней-идолов на капище за годы набралось уже несколько дюжин — срубленные дубы, грубо, но выразительно украшенные человеческими лицами.

... Парень Ким действительно был самым сильным и, возможно, самым смелым среди юношей племени. И еще он очень хорошо пел. Наверное, именно поэтому, когда возникла необходимость в очередном жертвоприношении, выбор старейшин пал на него.

...Радовались родители Кима, двое его младших братьев, которым посчастливилось стать родными братьями Героя; и они в свое время готовились последовать его примеру. Радовалась возлюбленная Кима. Хотя разлука – дело нелегкое, но ведь это разлука не с кем-нибудь – с Героем! Только мать Кима не чувствовала большой радости, но ведь это – мать...

...Последняя жертва, кажется, была принята Драконом (видимо, Ким пришелся по вкусу, выбор старейшин оказался правильным), нападения на племя прекратились...

..И вдруг однажды, на исходе дня в селении появился Ким.

Был он худым, ободраным, босым, но все с тем же мечом в ножнах, что вручили ему старейшины. Ким сообщил, что убил Дракона.

...Внезапное возвращение Кима потрясло все племя, но особенно – семью и родственников Героя. Мать сначала обрадовалась, но потом испугалась этой своей радости. Отец схватился за голову. Братья Кима его возненавидели – это ж надо уничтожить свое и их геройство, взлелеянное за год! Возлюбленная помрачнела – она чувствовала себя обманутой: любимый был героем, а стал бог весть кем.... От него все отреклись.

Предстояло выбрать одно из двух – либо Герой, либо его памятник. После непродолжительной дискуссии решили, что памятник все же дороже. ...Дракон тоже исчез, похоже, и впрямь был убит, о нем постепенно забыли.

Так же, как и о Герое Киме.

2002 г.

P.S.

Притчу "Герой" Василь Быков написал в 2002 году – за год до кончины. В архиве писателя, о существовании которого кроме близких Василя Владимировича не знал никто, обнаружилось не одно еще никогда не опубликованное сочинение. Самые последние написаны в непривычном для поклонников Быкова жанре притчей.

Последние полгода этот неизвестный архив публикуется в журнале "Дзезяслоў". В десятом номере журнала выходят четыре притчи писателя. Мы публикуем отрывки из "Героя" в переводе на русский язык.

<http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/17/bykau>

18 июня в Бычках откроется усадьба-музей Василя Быкова

13:42, 17/06/2004

Торжественное открытие усадьбы-музея Василя Быкова пройдет на его родине в деревне Бычки (Ушачский район Витебской обл.) 18 июня, сообщила "Интерфаксу" заместитель председателя Ушачского райисполкома Ольга Карчевская. "Открытие усадьбы-музея Василя Быкова приурочено к 80-летию со дня рождения писателя, которое отмечается 19 июня", — сказала она.

"Дом, принадлежавший родителям В.Быкова, где писатель прожил до 1939 года, полностью восстановлен в первоизданном виде", — подчеркнула собеседница. В воссоздании интерьера

дома принимали участие родственники и друзья писателя. "Неоценимую помощь оказала его сестра Валентина Быкова. По ее воспоминаниям сделаны эскизы внутреннего оформления дома и обстановки", — пояснила О.Карчевская.

Экспозиция усадьбы будет представлена не только предметами быта семьи Быковых, но и документальными свидетельствами: фотографиями и письмами писателя с фронта. Однако первые посетители увидят лишь обстановку дома. Полностью экспозиция усадьбы-музея будет готова к концу нынешнего года.

Как сообщила О.Карчевская, на восстановление дома выделено около 80 млн. бел. рублей из областного и районного бюджетов.